А. М. Мартыновъ

(скончавшійся въ 1858 г.)

(автобіографія)

Кто такой Мартыновъ, спросишь ты, читатель? Чѣмъ онъ замѣчателенъ и чѣмъ извѣстенъ или по ученой, или по гражданской, или по приватной жизни? Я такой же человѣкъ, какъ ты и онъ: однако же и ты и онъ—не я, мой образъ жизни, дѣйствія, мышленія и чувствованія не твои, мой умъ и сердце—не твои; ты лю-

бишь то, а я другое; ты желаешь того, а я другаго; даже и по наружному виду мы одинъ на другаго не похожи. У меня лицо продолговатое, а у тебя круглое; глаза у меня голубые, у тебя же черные; носъ у меня горбатъ и длинноватъ, а у тебя прямъ и коротокъ; у меня сухое сложеніе тѣла, а ты полновѣсенъ и тученъ; однимъ словомъ, ты ни въ чемъ почти со мною по наружности не сходенъ. Суди же послѣ этого, какова должна быть разность между нами въ душевныхъ нашихъ свойствахъ, силахъ и способностяхъ. Кромѣ того, въ самыхъ обстоятельствахъ нашей жизни есть большое между нами различіе: мѣсто моего рожденія на сѣверѣ, твое—на югѣ; отецъ мой былъ причетникомъ, а твой—церковнымъ старостой; первоначальное образованіе я получилъ въ Семинаріи, а ты въ Гимназіи или Пансіонѣ; я окончилъ курсъ учебный въ Академіи, а ты въ половинѣ онаго вышелъ изъ Университета; моимъ способностямъ, уму и сердцу дано было совсѣмъ другое направленіе, какое дано было тебѣ. Мои наставники люди были духовные, Богобоязненные, кроткіе; твои—мірскіе или свѣтскіе, вольномыслящіе и надмѣнные своими познаніями и свѣдѣніями. Ты не хочешь писать біографіи своей потому, какъ говоришь ты, что она ни для кого не интересна; пожалуй, не пиши; никто отъ тебя не требуетъ ее; напротивъ я имѣю свои убѣжденія, свои причины, побуждающія меня къ составленію описанія моей жизни: оно, по крайней мѣрѣ, любопытно для родныхъ и молодыхъ пріятелей моихъ; да и для меня, покуда живъ, пріятно вспомнить, при чтеніи его лѣта юности моей.

Я родился въ 1787 или 1788 году Ярославской епархіи Любимскаго уѣзда въ селѣ Мартыновѣ, по которому дана была мнѣ и фамилія. Не болѣе, какъ чрезъ два года послѣ моего рожденія поразила меня свирѣпствовавшая тогда во всей силѣ страшная болѣзнь, называемая оспою, такъ что мой отецъ отчаялся уже видѣть меня въ живыхъ и приготовилъ сообразный младенческому возрасту моему гробъ; но Господу Богу благоугодно было воззвать меня къ жизни, и вскорѣ я отъ тяжкой болѣзни выздоровѣлъ. Черезъ четыре года по выздоровленіи моемъ родитель мой началъ обучать меня чтенію, письму и пѣнію: двумя первыми искуствами я занимался успѣшно, послѣднее же мнѣ стоило большаго труда, и надъ первымъ стихомъ Октоиха: „О тебѣ радуется благодатная всякая тварь“ много было мною пролито слезъ. Отецъ мой огорчаясь такою непонятливостію, сердился на меня, а это приводило меня еще въ большее замѣшательство. Какъ тогда была пора весенняя и роднаго моего наставника отвлекала отъ занятія со мною полевая работа, то на время и прекраще-

но было обученіе пѣнію. Но меня сильно безпокоили моя непонятливость и гнѣвъ родителя; въ отсутствіе его я часто принимался за Октоихъ, приводилъ себѣ на память тѣ мѣста, гдѣ онъ дѣлалъ повышеніе и пониженіе голоса, замѣчалъ и соображалъ различіе нотъ, наконецъ понялъ ихъ очень хорошо и половину нотной книги изучилъ безъ посторонняго пособія. По временномъ прекращеніи полевой работы, я сказалъ отцу моему: „Батюшка, послушайте, какъ я пою! „Ну ужъ, отвѣчалъ онъ, знаю твое пѣніе!“ И я началъ съ вышеупомянутаго стиха и пѣлъ далѣе и далѣе. Родитель внимательно слушалъ, изумлялся и сказалъ. поцѣловавъ меня: „Откуда это далась тебѣ „такая премудрость“? „Я отвѣчалъ“ „отъ Бога.“ Подлинно отъ Него, примолвилъ онъ. Съ этого времени онъ уже прекратилъ занятія свои со мною, совѣтовалъ продолжать Октоихъ далѣе и повторять первую часть онаго.

(Продолженіе.)

Редакторъ Свящ. *А. Яновскій.*

Дозволено цензурою. Ярославль. 16-го Іюля 1866 года.

Въ Типографіи Г. Фалькъ.

А. М. Мартыновъ

(СКОНЧАВШІЙСЯ ВЪ 1858 г.)

(автобіографія).

(Продолженіе).

Пришло время отправленія моего въ Семинарію: это было въ началѣ 1799 года. По чрезвычайной бѣдности отца моего и по невозможности его содержать меня въ учебномъ заведеніи собственнымъ коштомъ, положено просить тогдашняго Ярославскаго Архіепископа Арсенія (Верещагина) объ опредѣленіи меня въ училище съ предоставленіемъ за мною праздного въ селѣ нашемъ дьяческаго мѣста. Кстати надобно сказать, что тогда въ этомъ селѣ на-

ходились два такъ называемыя *дѣйствительства*, т. е. два Священника, одинъ діаконъ, два дьячка и два пономаря. По пріѣздѣ моемъ въ Ярославль, я подалъ Преосвященному просьбу, не лично, а чрезъ его келейника. На другой день я пришелъ въ его крестовую церковь, откуда обыкновенно вызывались къ Его Высокопреосвященству просители для личнаго испытанія и усмотрѣнія. Дошла очередь и до меня; келейникъ громко произнесъ: „села Мартынова проситель!“ и я миніатюрный ростомъ явился предъ лицемъ Владыки. Какъ теперь гляжу на важный и благообразный видъ его, лице продолговатое и бѣлое, глаза голубые, борода съ просѣдью, „Охъ, какой проситель!“ говорилъ онъ; „подойди сюда поближе и читай!“, указавъ мнѣ на развернутую книгу, не припомню, церковной или гражданской печати. Я прочиталъ нѣсколько строчекъ безъ запинки; потомъ заставилъ меня пѣть также по книгѣ; я пропѣлъ на славу. „Хорошо!“ сказалъ онъ, и въ то же время положилъ на просьбѣ моей слѣдующую резолюцію: „Принять просителя въ Семинарію и предоставить за нимъ дьяческое мѣсто.“

На другой день велѣно было мнѣ явиться къ Префекту Семинаріи [1]) человѣку достоуважаемому и всѣми любимому, С. А. В., который тогда же и внесъ меня въ списокъ учениковъ 1-го класса. Не льзя здѣсь не замѣтить, что Семинаріи прежняго образованія дѣлились на девять классовъ [2]) 1-й письменный, въ которомъ воспитанники оной обучались чтенію и чистописанію, на Русскомъ и Латинскомъ языкахъ, равно и пѣнію; 2-й Фирическій, 3-й Инфимическій, 4-й Грамматическій, 5-й Синктаксическій, въ которыхъ преподавалась во всемъ пространствѣ Латинская грамматика по руководству Бантыша—Каменскаго; 6 й Піитическій, въ которомъ занимали сочиненіемъ Русскихъ и Латинскихъ стиховъ; 7-й Риторическій, въ которомъ классическою книгою былъ Лежай; здѣсь мы обучались сочиненію рѣчей и хрій, съ соблюденіемъ четырехъ частей оныхъ: приступа, предложенія, трактаціи и заключенія; 8-й Философскій, въ которомъ преподавалась Философія по системѣ Баумейстера; 9-й Богословскій.

Изъ 1-го класса скоро я переведенъ былъ во вторый; но здѣсь мои успѣхи на время ослабѣли; формы Латинскаго языка мнѣ не удавались, потому ли, что я невнимательно и небрежно слушалъ учительскія объясненія, или потому, что не имѣлъ самаго главнаго и суще-

1) Черезъ 15 лѣтъ послѣ этого Префекты переименованы въ Инспекторовъ.

2) Уѣздныхъ и приходскихъ Училищъ тогда еще не существовало.

ственнаго пособія-Латинскаго Лексикона. Какъ бы то ни было, а до грамматическаго класса состоялъ въ числѣ учениковъ малоуспѣшныхъ. Здѣсь мнѣ какъ—то посчастливилось составить переводъ. съ Русскаго ли языка на Латинскій, или съ Латинскаго на Рускій не упомню, учитель С. Г. С. подписалъ подъ моею статьею свойственнымъ ему прекраснымъ почеркомъ laudo (хвалю), и эта похвала такъ меня обрадовала и ободрила, что я приложилъ все свое стараніе и ревность къ изученію Латыни; видѣлъ самъ, что мнѣ необходимо нуженъ лексиконъ, но гдѣ мнѣ было взять его? По бѣдности своей купить его не могъ. а товарищи, имѣвшіе пособія этого рода. сами въ нихъ нужлались. Къ счастію моему удалось мнѣ коротко познакомиться съ однимъ добрымъ, но лѣнивымъ и безъ заботнымъ пріятелемъ, который въ лексиконъ свой никогда не заглядывалъ, онъ какъ не нужную для него вещь, охотно далъ оный мнѣ на нѣкоторое время. Тогда—то я усердно принялся переводить первоначально помѣщенные въ грамматикѣ примѣры, и къ каждому слѣдующему уроку, на случай учительскаго вызова, они у меня уже готовы были. Съ этого—то времени я постоянно находился въ числѣ лучшихъ учениковъ.

(Продолженіе)

Редакторъ Свящ. *А. Яновскій*.

Дозволено цензурою. Ярославль. 1-го Августа 1866 года.

Въ Типографіи Г. Фалькъ.

А. М. Мартыновъ

(СКОНЧАВШІЙСЯ ВЪ 1858 г.)

(автобіографія).

(Продолженіе).

Не хочу умалчивать о томъ, что воспитанники каждаго класса Семинаріи распредѣлены были за столами по ихъ способностямъ, прилежанію и успѣхамъ; за первыми столами сидѣли ученики отличныхъ успѣховъ, за вторыми — довольно хорошихъ, за третьими-средственныхъ, а за четвертыми—худыхъ и самыхъ слабыхъ. Вотъ еще какое въ наше время было обыкновеніе, которое стоитъ того, чтобъ разсказать о немъ. Это былъ такъ называемый *споръ о мѣстѣ*, споръ не на словахъ, а надѣлѣ. Каждому ученику естественно желаніе быть въ числѣ лучшихъ, но не каждому удается быть въ немъ. Въ слѣдствіе этого желанія, нѣкоторые изъ нихъ, на подаваемой учителю для разсмотрѣнія задачѣ, надписывали: *о мѣстѣ Иванова, о мѣстѣ Ѳедотова* и т. п. Случилось разъ, что и на мое мѣсто явился претендаторъ; умалчиваю о его фамиліи; я узналъ отъ товарищей объ этомъ домогательствѣ его. Рѣшеніе, чья задача окажется лучшею, моя или его, должно было послѣдовать на другой день: предшествовавшій я провелъ въ какомъ—то тревожномъ состояніи, и ночью видѣлся мнѣ сонъ, будто бы мой соперникъ по мѣсту успѣлъ въ своемъ желаніи; но прихожу поутру въ классъ, приходитъ и учитель съ кипою задачъ, и раздавая ихъ съ своими замѣчаніями, между прочимъ говоритъ: „Д—нъ! твоя задача несравненно хуже Мартыновой, и потому, что ты безъ всякаго сознанія въ своей малоуспѣшности осмѣлился вступить въ споръ съ лучшимъ изъ

учениковъ, становись на колѣни.“ Не чего было дѣлать, приказаніемъ учителя шутить нельзя; Д—въ болѣе часа простоялъ на колѣняхъ по срединѣ класса, а я не столько радовался его неудачѣ, сколько сожалѣлъ о строгомъ наказаніи.

Въ шестомъ (піитическомъ) классѣ я любилъ удачно вмѣшивать въ Русскіе стихи Латинскія фразы Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ стихотвореній моихъ подъ названіемъ: *Гроза* или *Буря*, особенно замѣчены и хвалимы были учителемъ и учениками два стиха:

Micante dextera, sinistra
Какъ молнія крутится быстра. . . .

Я давно уже забылъ объ этихъ стихахъ; но, спустя послѣ того тридцать лѣтъ, однажды встрѣтился со мною товарищъ мой по Семинаріи, служившій послѣ въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Статскій Совѣтникъ Р.... и воз обновилъ ихъ въ моей памяти.

Въ 1808 году, по учрежденіи Коммисіи Духовныхъ училищъ, принявшей на себя преобразованіе и улучшеніе сихъ училищъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе истребовать изъ всѣхъ, находящихся въ Россіи Семинарій, по нѣскольку воспитанниковъ, кончившихъ или оканчивающихъ въ этихъ заведеніяхъ учебный курсъ, для поступленія въ новоучреждаемую въ С. Петербургѣ Д. Академію. Изъ нашей Семинаріи назначено было для отправленія туда пять человѣкъ,-три воспитанника философскаго класса, въ томъ числѣ и я, и два учителя, А. Ѳ. Протоп., бывшій въ послѣдствіи времени, Архіепископомъ Тобольскимъ, и А. В. Поповъ, который, въ самомъ началѣ Академическаго курса, уволенъ былъ для опредѣленія въ Швейцарскую Миссію Священникомъ.

Прежде отправленія нашего въ С. Петербургъ, экзаменовалъ насъ самъ бывшій тогда Архіепископъ Ярославскій Антоній на дому своемъ; сперва намъ сдѣлано было устное испытаніе, потомъ заставилъ онъ каждаго изъ насъ по-одиночкѣ переводить въ присутствіи своемъ Корнелія Непота, и наконецъ велѣлъ намъ показать опыты свои въ сочиненіи изъ заданной имъ темы: *блаженнѣе есть паче дати, нежели пріимати.* (3) Тема въ исполненіи самая трудная; впрочемъ мы не оробѣли напрягли всѣ силы ума своего, и чрезъ два часа лично подали Преосвященнѣйшему сочиненія свои, не выходя изъ его комнатъ. На другой день объявили намъ, что всѣ мы трое удостоены выбора въ Академію. Учители не были экзаменованы, а прямо съ нами были отправлены въ оную.

(3) Дѣян. Ап. гл. 20, ст. 35.

По пріѣздѣ нашемъ въ сѣверную Столицу, прежде всего мы явились къ Высокопреосвященнѣйшему, приснопамятному и незабвенному Митрополиту Новгородскому и С. Петербургскому Амвросію. Онъ принялъ насъ очень снисходительно, и милостиво разспрашивалъ объ Ярославскомъ Архипастырѣ, о помѣщеніи Семинаріи и о другихъ предметахъ; наконецъ велѣлъ намъ, чего требовалъ порядокъ, явиться къ новоопредѣленному Ректору Академіи, Архимандриту Евгр., человѣку достоуважаемому по уму, обширнымъ богословскимъ свѣдѣніямъ и познаніямъ. Предъ открытіемъ Академіи, послѣдовавшемъ 17-го Февраля 1809 года, помянутый Ректоръ оной экзаменовалъ насъ сперва устно, а потомъ и письменно. Послѣднее испытаніе состояло изъ задачи двухъ Латинскихъ стиховъ (гекзаметра и пентаметра).

Ortus, conditio, studium vitaeque magistri,
. . . . . patriae cura, salutis amor.

Предложивъ такую многосложную задачу, Ректоръ, улыбаясь, намъ сказалъ: пишите, какъ хотите, стихами или прозою, на Русскомъ, на Латинскомъ, на Французскомъ или на Нѣмецкомъ языкахъ. Не знаю, какъ другіе студенты, что же до меня касается, я писалъ стихами на Русскомъ языкѣ. По разсмотрѣніи диссертацій и стиховъ, оказалось, что 95 студентовъ удостоены принятія въ Академію, а пять изъ нихъ, въ томъ числѣ и нашей Семинаріи учитель Поповъ, исключены изъ списка принятыхъ.

Открытіе Академіи было самое торжественное. Прочитанъ былъ первоначально, въ присутствіи Митрополита, всѣхъ Профессоровъ и студентовъ оной Высочайшій указъ о соизволеніи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА на учрежденіе сего высшаго Духовнаго училища. Послѣ того Ректоръ Академіи говорилъ на этотъ случай приличную рѣчь, потомъ происходило молебствіе и хоромъ пѣвчихъ провозглашено было многолѣтіе ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и всему Августѣйшему Дому. Жаль только, что не удостоенные принятія въ оную воспитанники, какъ осужденные, принуждены были стоять отдѣльно отъ принятыхъ, между тѣмъ какъ эти послѣдніе всѣ безъ исключенія стояли за приготовленными для нихъ партами.

Первоначально Академія занимала кордусъ, находящійся внутри Невскаго монастыря между Соборомъ и Ѳеодоровскою церковію. Студенты оной были въ немъ размѣщены безъ всякаго стѣсненія. Пять исключенныхъ воспитанниковъ замѣнены были пятью новыми изъ здѣшней Семинаріи. Такимъ образомъ благополучно и благоуспѣшно начался учебный курсъ нашъ, потому что всѣ почти Профессора имѣли отличныя способности и свѣдѣнія по своимъ пред-

метамъ. Протекторами факультетовъ были члены Коммисіи Духовныхъ училищъ: богословія Митрополитъ Амвросій, философіи—Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, математики—Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Сунода, Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, словесныхъ наукъ—Ѳеофилактъ, бывшій Архіепископомъ Рязанскимъ, а потомъ Экзархомъ Грузіи, исторіи—Оберъ-Священникъ А. и Ф. Іоаннъ Семеновичъ Державинъ. Каждому Протектору дано было полное право избирать и предлагать Профессора по своему факультету.

Я особенно любилъ философскія и словесныя науки, и потому, съ самаго начала Академическаго курса, сталъ усердно и ревностно заниматься ими, не оставляя однако и другихъ предметовъ. Въ половинѣ перваго года встрѣтилось со мною, и только съ однимъ мною, бѣдственное происшествіе. Пріѣхалъ въ С. Петербургъ, для свиданія съ находящимся въ Кадетскомъ корпусѣ сыномъ своимъ, помѣщикъ нашего села Б—девъ. Я отправился къ нему съ дозволенія старшины, который отпустилъ меня послѣ обѣда съ тѣмъ, чтобъ я непремѣнно возвратился въ восемь часовъ вечера. Ты спросишь здѣсь меня, читатель: кто такіе у насъ были старшины? Такіе же студенты, какъ и прочіе; ихъ было десять человѣкъ, и каждому изъ нихъ ввѣрено было по десяти товарищей съ тѣмъ, чтобъ они имѣли надзоръ за порядкомъ и домашними занятіями сихъ послѣднихъ. Какъ помѣщикъ нанималъ квартиру за Измайловскимъ мостомъ и, слѣдовательно, отъ Невскаго монастыря очень далеко, то я возвратился въ половинѣ девятаго, или въ девять часовъ ровно. Не смотря на то, что старшина мой былъ мнѣ родственникъ, троюродный братецъ, онъ донесъ объ этой просрочкѣ Инспектору; Инспекторъ не велѣлъ мнѣ идти къ ужину. Я, считая мой проступокъ маловажнымъ, сдѣлалъ ослушаніе, и и пошелъ въ общую столовую; старшина мой и объ этомъ не замѣдлилъ донести тому же начальнику, который въ огорченіи и гнѣвѣ на меня сказалъ ему: „А! видно онъ съ душкомъ! скажи ему, чтобъ завтра онъ во время обѣда явился въ общую столовую и сѣлъ за голодный столикъ, который передъ нимъ поставленъ будетъ въ концѣ оной.“ Дѣлать не чего: я долженъ былъ исполнить приказаніе начальника, въ надеждѣ умягчить или ослабить гнѣвъ его; вошелъ въ столовую и, съ сжатымъ отъ стыда и скорби сердцемъ, сѣлъ на приготовленное для меня мѣсто. На столикѣ поставлена была тарелка, на которой лежалъ ломоть чернаго хлѣба. Входящіе въ столовую товарищи и нѣкоторые изъ старшихъ, одинъ за другимъ подходили ко мнѣ и спрашивали о причинѣ моего, досель еще не бывалаго, рода наказанія; въ

коротких словах я объяснял им, за какую маловажную вину посажен я отдельно от других. После многих, наконец вошел и старшина мой; градом на него посыпались упреки и негодования всех вообще студентов; лице его то бледнело, то багровело; попеременно бросало его то в озноб, то в жар, и в это время я не столько на него досадовал, сколько сожалел о его положении.

Мне, как после я увидел, не легче было от того, что другой из-за меня перенес такую неприятность от своих товарищей. Инспектор каждомесячно обязан был представлять правлению Академии отчет о поведении воспитанников оной. Я первым значился по представленному в сие правление списку в числе замеченных с худой стороны, по нравственной части; вскоре призван был в правление и Ректор, первенствующий онаго член, и обратился ко мне с сими грозными словами: „если через месяц не исправишься ты в своем поведении, то будешь выключен из Академии.“ Поздно уже было мне оправдываться в оном; я молчал, и Ректор, приняв молчаливость мою за знак сознания и раскаяния в моей виновности, велел мне идти в свое место. После этой грозы, я долго ни куда не отлучался; и странное дело! через месяц меня начали хвалить за поведение, как будто я переменился, когда нибудь был негодяем, и исправился.

Я не из числа последних был и по учебной части. Выше было сказано, что я, занимаясь богословием, математикою, всеобщею историею и географиею, особенно любил упражняться в философских и словесных науках. Слушая теорию последних, делал некоторые опыты, и по практической части их сочинял диссертации, речи и стихи. Все студенты знали мою басню под заглавием: *Ворона и ворона*; особенно хвалил ее Профессор словесности Л. отзываясь, что она, по натуральному разсказу своему не уступает баснями известнаго уже в то время И. А. Крылова. Профессором философии был тогда у нас вызванный из Германии, старанием М. М. Сперанскаго, достоуважаемый Фесслер, бывший некогда Адьюнктом знаменитаго немецкаго философа Канта. Все воспитанники Академии восхищались его лекциями, преподаваемыми на Латинском языке; даже некоторые Профессора из Русских желали пользоваться оными, и нарочно приходили к нам, с намерением видеть и послушать его; но приходили в те часы, в которые его уже не заставали. Какой язык! какая свобода в объяснении! Многие из нас приносили с собою, до начала его лекции, бумагу, и едва успевали

записывать то, что говорилъ онъ. По окончаніи лекціи, давалъ намъ списывать собственноручно составленное и кратко изложенное самымъ яснымъ, мелкимъ, но четкимъ и красивымъ почеркомъ содержаніе оной. Прежде собственной системы философіи, о которой предварительно далъ намъ нѣкоторое понятіе, онъ началъ съ философской исторіи, сопровождаемой критикою, и прошелъ оную до Платона; но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ этотъ достоуважаемый и любимый нами Профессоръ принужденъ былъ оставить Академію, и лишить насъ удовольствія внимать его въ высшей степени занимательнымъ наставленіямъ. Я почиталъ себя счастливымъ, что имѣлъ однажды случай говорить съ нимъ на вышеупомянутомъ языкѣ, провожая его отъ занимаемой имъ по близости къ монастырю квартиры до обители Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Амвросія, съ которымъ нужно было ему видѣться.

(Продолженіе).

Редакторъ Свящ. *А. Яковскій.*

Дозволено цензурою. Ярославль. 17-го Августа 1866 года.

Въ Типографіи Г. Фалькъ.

А. М. Мартыновъ

(СКОНЧАВШІЙСЯ ВЪ 1858 г.)

(автобіографія).

(Продолженіе).

Въ половинѣ академическаго курса начали занимать насъ сочиненіемъ проповѣдей. Сперва заставляли для пробы говорить ихъ въ академической залѣ, а потомъ въ церкви; само собою разумѣется, что всѣ мы посвящены были на сей случай въ стихари. Не знаю и не помню, по скольку было сочинено и сказано проповѣдей прочими моими сверстниками, мною же составлена была въ теченіи курса только одна изъ текста: *имѣяй уши слышати, да слышитъ*. Она, по существовавшему тогда обыкновенію, была одобрена двумя Профессорами—богословія и словесности, съ назначеніемъ къ произнесенію въ церкви въ одинъ изъ воскресныхъ дней, бывшихъ въ великомъ посту. Старожилы здѣшніе, можетъ быть, еще и помнятъ, что въ зимнее время литургія совершалась въ монастырской Благовѣщенской церкви, потому что Духовская не была еще тогда устроена; богомольцевъ разнаго званія, возраста и пола, особенно по праздникамъ, стекалось туда очень много. При самомъ началѣ литургіи, я прошелъ въ алтарь, усердно помолился Господу Богу и робкій по природѣ мой характеръ началъ постепенно измѣняться на спокойный; прежде, чѣмъ пропѣтъ былъ Невскими пѣвчими стихъ. *Единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ*, я надѣлъ стихарь, и, по окончаніи сего стиха, скорыми и твердыми шагами вышелъ на амвонъ и сталъ передъ поставленнымъ посреди его налоемъ, положилъ на него вынятую изъ кармана рукописную проповѣдь и началъ говорить ее довольно громкимъ, чистымъ и раздѣльнымъ голосомъ. Всѣ присутствовавшіе въ храмѣ Божіемъ, сколько могъ я самъ замѣтить, съ большимъ вниманіемъ слушали ее, что доказывала необыкновенная тишина, не прерывавшаяся во все продолженіе оной. Богу одному извѣстно, какія впечатлѣнія произвела она въ сердцахъ слушателей. По окончаніи оной, я, спокойный и довольный самъ собою, возвратился въ свое мѣсто. Въ тотъ же самый день, послѣ обѣда, Ректоръ Академіи (нынѣ Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Московскій), находившійся тогда въ отсутствіи, призвавъ меня къ себѣ на домъ, обратился комнѣ съ слѣдующими достопамятными для меня

словами: „Я слышалъ, что вы очень хорошо говорили свою проповѣдь; жалѣю, что мена въ то время не было, и мнѣ не удалось быть въ числѣ слушателей оной.“

Около того же времени послѣдовало раздѣленіе студентовъ по математическому и историческому факультетамъ. Главною причиною сего раздѣленія было развитіе болѣзней, особенно чахотки; предметовъ занятій и часовъ учебныхъ положено было много, а свободнаго отъ ученія времени давалось мало; кромѣ наукъ, всѣ мы должны были обучаться Еврейскому и Греческому языкамъ постоянно, а изъ новѣйшихъ, Французскаго и Нѣмецкаго, одному которому нибудь по произволу. Кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней, мы каждодневно по 8 ми часовъ просиживали въ классахъ —четыре часа до обѣда и столько же послѣ обѣда, не вставая съ мѣстъ своихъ. Движеніемъ и освѣженіемъ силъ на чистомъ воздухѣ мы пользовались рѣдко, отъ того, естественно, нѣкоторые изъ воспитанниковъ, особенно люди слабаго сложенія, впадали въ совершенное изнеможеніе, въ чахотку, отъ которой въ теченіи шести лѣтъ изъ ста человѣкъ умерло десять. Такимъ обстоятельствомъ начальство Академіи побуждено было прибѣгнуть къ упомянутому раздѣленію; тѣ изъ насъ, которые желали и способны были продолжать математическія занятія, освобождались отъ историческихъ; желавшіе же слушать историческія лекціи, не ходили уже болѣе въ классъ математическій; притомъ и отъ послѣ—обѣденныхъ часовъ два были убавлены. Что собственно касается до меня, я откровенно сознаюсь, что математика не полюбила меня или, вѣрнѣе сказать, я не полюбилъ ее; и потому охотно перешолъ на классъ историческій.

Окончательное испытаніе (экзаменъ) въ наше время продолжалось цѣлый мѣсяцъ, да и невозможно было кончить его ранѣе; насъ было всего 90 человѣкъ; кяждаго воспитанника надлежало вызывать по-одиночкѣ, дѣлать ему разные вопросы по каждому предмету. Испытаніе происходило въ присутствіи членовъ академическаго Правленія и членовъ Коммисіи духовныхъ училищъ; вызываемый студентъ подходилъ къ столу, за которымъ сидѣлъ Ректоръ Академіи, вынималъ одинъ изъ лежащихъ передъ нимъ на столѣ билетовъ, въ которомъ заключалось содержаніе или вопросъ, относящійся къ той наукѣ, по которой происходило испытаніе. Отвѣтъ на заданный вопросъ О. Ректоръ отмѣчалъ въ лежащемъ передъ нимъ разграфленномъ спискѣ; отмѣтки дѣлались противу каждаго студента по каждой наукѣ. По этимъ—то частнымъ замѣчаніямъ составленъ былъ общій разрядный списокъ, заключавшій въ себѣ только

ва ра зряда, съ подраздѣленіемъ того и другаго разряда на два отдѣленіа.

Кромѣ устнаго испытанія, продолжавшагося, какъ сказано, цѣлый мѣсяцъ, мы должны были представить (и представили) еще и сочиненія на тему: *имущему вездѣ дано будетъ, и преизбудетъ: отъ неимущаго же, и еже мнится имѣя, взято будетъ отъ него* (4). Эта тема явно намекала на права кончившихъ учебный курсъ воспитанниковъ Академіи и на будущую судьбу ихъ. И подлинно, вскорѣ по окончаніи экзамена, студентамъ 1-го разряда присвоено было званіе Магистровъ, а студентамъ 2-го разряда—званіе Кандидатовъ; нѣкоторые по безуспѣшности оставлены были въ званіи Студентовъ. Кандидатамъ и Магистрамъ, изъявившимъ желаніе вступить въ духовное званіе, предназначено было, кромѣ жалованья, первымъ по 250. а послѣднимъ по 350 руб. въ годъ ассиг., въ родѣ пенсіи. Какъ я изъявилъ желаніе быть въ свѣтскомъ званіи, руководствуясь тою мыслію, что полезный человѣкъ, въ какомъ бы званіи онъ ни былъ, всегда и вездѣ будетъ полезенъ; то и не могъ пользоваться ни которымъ изъ окладовъ сихъ.

Кстати здѣсь упомянуть объ одномъ забавномъ случаѣ, послѣдовавшемъ до начала окончательнаго испытанія. Каждый Профессоръ Академіи долженъ былъ представить въ академическое Правленіе списокъ объ успѣхахъ учащихся по своему факультету. Всѣми были таковые списки представлены, въ томъ числѣ и Профессоромъ философіи Г—помъ. Онъ былъ близорукъ и невнимателенъ къ отвѣтамъ студентовъ на дѣлаемые имъ вопросы по его предмету. Тѣхъ изъ нихъ, которые отвѣчали безъ запинки по тетрадкѣ, между тѣмъ какъ онъ смотрѣлъ въ свою тетрадь, лежащую передъ нимъ на столикѣ, и потому не могъ видѣть, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ объяснялись не своими собственно словами, а словами автора преподаваемой системы,—отмѣчалъ и ставилъ онъ въ числѣ лучшихъ и успѣшныхъ; а тѣхъ, которые дѣлали отвѣты съ нѣкоторою разстановкою и медленно, по своему собственному разумѣнію, онъ относилъ къ числу малоуспѣшныхъ. Ректоръ Академіи, весьма хорошо зная, кто изъ насъ какимъ предметомъ особенно занимался и успѣлъ въ немъ, передѣлалъ списокъ Профессора по своему. Объ этомъ доведено было до свѣдѣнія Г—на, и что же онъ на этотъ разъ сказалъ? „Dominus Rector vivit in monasterio, ego autem extra monasterium, ideoque omnes studiosos bene scire non possum (т. е. Господинъ Ректоръ живетъ въ монастырѣ, а я внѣ монастыря, и потому не могу хорошо знать всѣхъ студентовъ)— Каковъ отвѣтъ и каково оправданіе!

(4) Мат. гл. 25, ст. 29.

Въ исходѣ Августа воспитанники Академіи размѣщены были къ назначеннымъ имъ должностямъ по семинаріямъ Я опредѣленъ былъ съ званіемъ Кандидата Профессоромъ и Инспекторомъ въ Ярославскую семинарію. Со мною отправились туда новоопредѣленные наставники словесности А. Е. Н—мовъ и математики В. Н. Д—овъ. На другой день, по пріѣздѣ нашемъ въ Ярославль, мы явились къ тамошнему Епархіальному Преосвященному, который, по приверженности къ прежнему образованію, откровенно высказалъ свое нерасположеніе къ новому порядку онаго сими словами: „по началу' можетъ быть, и будутъ нѣкоторые успѣхи, далѣе же а не предвижу ихъ.“ Между прочимъ объявилъ намъ, что высшіе классы семинаріи-риторики, философіи и богословія—помѣщены имъ въ Толгскомъ монастырѣ, отстоящемъ въ девяти верстахъ отъ Ярославля, потому, какъ говорилъ онъ, что возрастные ученики такимъ образомъ удалены отъ городскихъ соблазновъ, и совѣтовалъ намъ немедленно отправиться въ упомянутый монастырь; но, покуда не пріѣхалъ туда вновь опредѣленный Ректоръ семинаріи, О. Архимандритъ Ѳ—нъ, мы ни за что не принимались: желая же, хотя отъ части, выполнить совѣтъ Преосвященнаго, отправились туда для осмотра зданій и помѣщенія учениковъ.

(Продолженіе.)

А. М. Мартыновъ

(СКОНЧАВШІЙСЯ ВЪ 1858 г.)

(автобіографія).

(Продолженіе).

Не возможно выразить словами, въ какомъ жалкомъ положеніи нашли мы зданія и помѣщенія учениковъ; тѣснота въ ихъ размѣщеніи, нечистота и неопрятность въ жилыхъ комнатахъ; человѣкъ по двадцати и болѣе находилось въ самой небольшой изъ нихъ; спершійся въ нихъ воздухъ такъ былъ для дыханія тяжелъ и удушливъ, что между нѣкоторыми учениками начала распространяться цынготная и чахоточная болѣзни. Что касается до зданій, въ которыхъ помѣщались бѣдные семинаристы, они, по своему пространству, не составляли и половины прежняго, хотя нѣсколько уже и обветшавшаго, корпуса, находящагося въ Ярославскомъ Спасскомъ монастырѣ. Мы съ стѣсненнымъ сердцемъ возвратились въ городъ, нетерпѣливо ожидая прибытія Ректора. Черезъ мѣсяцъ онъ пріѣхалъ, и мы, желая помочь общему нашему горю, рѣшились просить бывшаго нашего Ректора по Академіи, тогда Архимандрита, нынѣ же Митрополита Московскаго, Филарета, объ употребленіи своего ходатайства предъ Коммиссіею духовныхъ училищъ, которой онъ былъ членомъ, относительно вывода семинаріи изъ Толгскаго монастыря; описали ему всѣ невыгоды помѣщенія оной въ семъ монастырѣ и всѣ удобства въ помянутомъ корпусѣ.

Не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ по отсылкѣ нашего письма, потребованы были Коммиссіею Д. У. планы училищныхъ зданій, находящихся въ Толгскомъ и Спасскомъ монастыряхъ, и по сличеніи оныхъ найдено, что несравненно выгоднѣе и удобнѣе помѣщеніе семинаріи и училищъ въ зданіи послѣдняго изъ сихъ монастырей, и вскорѣ послѣдовало предписаніе семинарскому правленію о выводѣ учениковъ. Этимъ они, равно какъ и мы, въ высшей степени обрадованы были.

Мѣстный Архіерей, на вѣрное полагая, что упомянутое перемѣщеніе, вопреки его желанію, произошло отъ насъ, сталъ послѣ придираться къ намъ и дѣлать доносы высшему начальству на меня за то, что я преподаю философію по системѣ Винклера, между тѣмъ какъ назначена была мнѣ въ руководство система Баумейстера; на Ректора же семинаріи—за то, что онъ по воскреснымъ и табельнымъ днямъ произвольно занималъ учениковъ пѣніемъ (стиховъ духовнаго содержанія, употребляемыхъ во время всенощнаго бдѣнія и литургіи), которое онъ любилъ до страсти и былъ въ немъ очень искусенъ. Не знаю, что и какъ на это отвѣчалъ онъ Коммиссіи Д. У., а я оправдывался тѣмъ,

что каждый изъ учениковъ моего класса имѣлъ уже у себя по экземпляру Винклеровой философіи, системы же Баумейстера не было у нихъ ни одного экземпляра. Такъ эти два доноса и кончились.

На другой годъ моей училищной службы, тотъ же Преосвященный, призвавъ меня къ себѣ, сказалъ: „На какомъ вы языкѣ преподаете свои лекціи?-„На Латинскомъ“, отвѣчалъ я. „Послушайте“ говорилъ онъ „вѣдь не всѣ ученики свободно могутъ понимать ваши объясненія на этомъ языкѣ, и потому желалъ бы я, чтобъ вы къ одну недѣлю объяснялись на Латинскомъ языкѣ, а въ другую то, что пройдено въ прошедшую, повторяли на Русскомъ.“ Я послушался его совѣта и началъ дѣлать такъ, какъ онъ желалъ; но чтожъ изъ этого вышло? На третью же недѣлю я почувствовалъ, что мнѣ недоставало уже той свободы въ объясненіи, какая была прежде. Не желая потерять ее, я постоянно началъ давать лекціи на языкѣ Латинскомъ. Многіе ученики мои очень хорошо на. ономъ говорили и писали диссертаціи.

(Продолженіе).

Редакторъ Свящ. *А. Яновскій.*

Дозволено цензурою. Ярославль. 1-го Сентября 1866 года.

Въ Типографіи Г. Фалькъ.

А. М. Мартыновъ

(СКОНЧАВШІЙСЯ ВЪ 1858 Г.)

(автобіографія).

(Продолженіе).

По семинарскому правленію, въ которомъ я былъ вторымъ членомъ, не малыя происхо-

дали со стороны епархіальнаго Архіерея затрудненія. Согласно съ училищнымъ уставомъ, правленіе по многимъ случаямъ обязано было входить къ нему представленіями; на нѣкоторыя изъ нихъ онъ не дѣлалъ резолюцій болѣе недѣли. Въ одной статьѣ устава было сказано: если мѣстный Архіерей не сдастъ черезъ недѣлю своего рѣшенія на представленіе семинарскаго правленія: то сіе правленіе имѣетъ право приводить свое опредѣленіе въ исполненіе; и намъ неоднократно случалось пользоваться предоставленнымъ этою статьею правомъ. Отъ этого также, какъ и прежде, возникали разныя жалобы его на насъ.

Въ 1818 году Преосвященный вызванъ былъ въ С. Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Сунодѣ. Вскорѣ, по отбытіи его туда, я, вѣроятно, по его же настоянію, уволенъ былъ отъ училищной службы и въ 1819 году опредѣленъ въ канцелярію коммиссіи духовныхъ училищъ на вакансію помощника экспедитора оной, а въ 1820 году переименованъ въ чинъ титулярнаго совѣтника, на основаніи положенія о чинахъ для служащихъ въ духовныхъ училищахъ, въ которомъ между прочимъ постановлено: „Кандидаты академіи состоятъ въ 9-мъ классѣ и утверждаются въ чинѣ титулярнаго совѣтника по окончаніи четырехъ лѣтъ училищной службы.

Въ 1820 году имѣлъ я случай въ послѣдній разъ въ жизни видѣться съ Преосвященнымъ Антоніемъ. Онъ представилъ коммиссіи Д. У. проектъ объ учрежденіи уѣзднаго училища, совокупно съ приходскимъ, въ городѣ Романовѣ, но въ представленіи своемъ не объяснилъ, почему онъ находитъ болѣе выгоднымъ открыть упомянутыя училища въ этомъ именно, а не въ другомъ какомъ либо уѣздномъ городѣ. Правитель дѣлъ, въ слѣдствіе словеснаго приказанія членовъ ком., поручилъ мнѣ доставить ему отзывъ Преосвященнаго по этому предмету. Временнымъ пребываніемъ его было тогда Ярославское подворье, находящееся на Васильевскомъ островѣ. О приходѣ моемъ въ то же время было доложено ему, и онъ при этомъ случаѣ спросилъ секретаря или келейника своего: „Это тотъ Мартыновъ, который былъ Профессоромъ и инспекторомъ нашей семинаріи?“ Ему отвѣчалъ: „точно такъ“; и я, вошедши къ нему, объяснился въ томъ, что нужно было знать коммиссіи. „Да!“ сказалъ Преосвященный, „потому желалъ бы я открыть училища въ Романовѣ, что они были бы устроены на берегу обильной рыбою Волги, въ тридцати верстахъ отъ губернскаго города, съ тѣмъ, чтобъ поступали въ оныя преимущественно дѣти Романовскаго духовенства“. Я поклонился и вышелъ отъ него съ какою-то безотчетною

мыслію. Спустя послѣ того годъ, онъ былъ уволенъ на покой и въ томъ же году умеръ.

Въ тоже время, получая ограниченное жалованье по канцеляріи К. Д. У., я приватно занимался преподаваніемъ уроковъ по словесности во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. Начальство онаго, желая имѣть свидѣтельство о дозволеніи мнѣ обучать воспитанниковъ сего корпуса, предоставило мнѣ просить о томъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князя Александра Николаевича Голицына, въ вѣдомствѣ котораго я состоялъ на службѣ. Я подалъ прошеніе министру. Князь милостиво выслушалъ объясненіе содержанія моей просьбы. Бывшій при этомъ случаѣ правитель дѣлъ, пришедшій къ князю съ докладами по К. Д. У., сказалъ: „Пускай, ваше сіятельство, начальство корпуса, имѣющее нужду въ учителѣ, отнесется къ вамъ объ этомъ какъ слѣдуетъ.“ „Все равно!“ отвѣчалъ князь, „заготовьте отъ меня письмо графу Коновницыну (бывшему тогда начальникомъ помянутаго корпуса), что г. Мартынову дозволяется приватно обучать воспитанниковъ онаго. Такимъ образомъ я, занимая двѣ должности, одну оффиціальную, а другую приватную, получалъ по онымъ жалованья до 2000 рублей, имѣлъ притомъ казенную квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, и жилъ, судя по тогдашнему времени, весьма достаточно.

Какъ я происходилъ не изъ дворянъ и производство въ слѣдующій чинъ (коллежскаго ассесора), на основаніи положенія коммиссіи Д. У. оставлено было на общихъ правахъ гражданской службы, то и былъ Высочайше награжденъ симъ чиномъ уже въ 1832 году, т. е. чрезъ двѣнадцать лѣтъ по полученіи чина титулярнаго совѣтника. — Въ томъ же году и въ слѣдующихъ за нимъ я участвовалъ въ періодическомъ изданіи подъ названіемъ: *Сѣверная Минерва*, въ которомъ напечатаны были нѣкоторыя мои сочиненія, именно: *Рѣчь на заданный вопросъ, отъ чего успѣхи нашей словесности, особенно изящной, малозначущи*; стихотворенія: *Сатирику*, *Слѣдствія модного воспитанія* и многія другія. — Въ 1835 году пожалованъ мнѣ орденъ Св. Станислава 3-й степени. Въ 1837 году я приступилъ къ изданію моихъ стихотвореній, разновременно мною написанныхъ, которыя и напечаталъ въ томъ же году, раздѣливъ ихъ на 4 книги: въ первой помѣщены стихотворенія духовныя, во второй — сатирическія, въ третьей — повѣствовательныя, а въ четвертой — на разные случаи. Прежде выпуска ихъ въ свѣтъ, уже написана была на нихъ самая насмѣшливая и вмѣстѣ завиральная критическая статья извѣстнымъ редакторомъ журнала подъ заглавіемъ: *Библіотека для чтенія*. Какъ же, спросите вы, прежде выпуска стихо-

твореній могла быть эта статья написана? А вотъ какимъ образомъ. Авторъ оной, желая ускорить своею критикою подослалъ въ типографію, гдѣ моя книга печаталась, какого—то добраго человѣка, который сказавъ, что онъ посланъ будто бы мною, безпрепятственно получилъ одинъ экземпляръ оной и отправился съ нимъ къ Г. редактору *Библіотеки* Б. Б Не излишнимъ будетъ здѣсь замѣтить, что на нѣкоторыя прозаическія сочиненія этого Б. Б. мною написана и напечатана была въ книгѣ моей забавная рецензія въ стихахъ; она—то разшевелила и раззадорила юмориста, наострила и направила легкое перо его на беззащитныя мои стихотворенія.

Въ 1839 году, по упраздненіи коммиссіи Д. У., я перемѣщенъ былъ въ канцелярію оберъ-прокурора Св. Сунода, сперва на вакансію помощника архиваріуса, потомъ опредѣленъ на мѣсто общаго журналиста, на которомъ и нынѣ состою. Въ сороковомъ году произведенъ былъ въ чинъ надворнаго совѣтника.

Съ 1840 по 1845 годъ я былъ въ числѣ сотрудниковъ періодическаго изданія подъ заглавіемъ: *Маякъ*, въ которомъ помѣщены были мои рецензіи на статьи-*о менцель*, Нѣмецкомъ критикѣ, *о Русскомъ гезаметрѣ*, *о Пушкинѣ*, *о застоѣ въ литературѣ* и другія. На критическій обзоръ стихотвореній Пушкина напечатана была въ „Отечественныхъ запискахъ“ антикритика, наполненная софистическими бреднями и завиральными идеями. Жаль, что этотъ полезный и благонамѣренный журналъ (Маякъ), имѣющій прямой и вѣрный взглядъ на вещи, свѣтлый, проницательный, отчетливый, существовалъ недолго.—На него возсталъ и ополчился весь журнальный муравейникъ: *Сынъ Отечества* разъярился на него за *Историческія саги*, *Библіотека для чтенія* за обличеніе ея шутовства и фиглярства, *Отечественныя записки* за выведенную на свѣжую воду *систему ихъ* философіи; даже престарѣлая и беззубая старуха *Сѣверная пчела* на него непутемъ разжужжалась, направя на него притупившееся отъ частаго и долговременнаго употребленія жало. Самые цензоры ко многимъ статьямъ „Маяка“ придирались, особенно къ статьямъ о религіозныхъ заблужденіяхъ Запада, и задерживали ихъ срочное изданіе въ свѣтъ; болѣе же всѣхъ на него лаяли „От. Зап.“, называя его *плошкою народнаго просвѣщенія и образованности*, *Китайскимъ духомъ*, *живомъ* и т. п. и цензура, какъ бы потакая имъ, свободно пропускала эти личности; все же онѣ этимъ лаемъ не освободились отъ врѣзавшагося въ ихъ лобъ пятна, положеннаго дѣльною и умною статьею *Маяка*. Общій вой журналовъ и прицѣпки цензоровъ достигли своей

цѣли; въ 1845 году онъ принужденъ былъ прекратить свое изданіе. У меня остались нѣкоторыя статьи, приготовленныя для сего журнала, но нигдѣ не напечатанныя, потому что всѣ, кромѣ его, журналисты, какъ замѣчено, спускали съ рукъ свои изданія для прибыли, а не для пользы легкомысленной и прихотливой публики, поддѣлываясь подъ непостоянный вкусъ ея. Въ этой непростительной угодливости откровенно созналась *Пчела* и ясно выразила общее направленіе журналовъ слѣдующими словами: „Да что бы они за ротозеи были, если бы не стали приноравливаться къ публикѣ и получать отъ ней *индѣекъ малую толику.*“ Я хорошо зналъ эту слабость нашей журналистики, потому и не хотѣлъ помѣщать статьи свои ни въ одномъ изъ существующихъ періодическихъ изданій, въ томъ убѣжденіи, что и они, по ложному направленію ихъ вкуса, неохотно приняли бы или совсѣмъ не приняли бы оныхъ для изданія въ свѣтъ. Пусть лучше остаются онѣ не напечатанными, чѣмъ выйдутъ въ оный передѣланными и искаженными своенравіемъ издателей, или прихотію цензоровъ.

Съ 1846 года я уже мало времени удѣлялъ на литературныя занятія, посвящая оное болѣе служебнымъ. Если что нибудь изъ подъ пера моего и выходило, то это самыя мелочныя піески, писанныя мною для прочтенія моимъ пріятелямъ, а не для публики.

(Продолженіе).

Редакторъ Свящ. *А. Яновскій.*

Дозволено цензурою. Ярославль. 5-го Сентября 1866 года.

Въ Типографіи Г. Фалькъ.

А. М. Мартыновъ

(скончавшійся въ 1858 г.)

(автобіографія)

(Продолженіе).

Теперь мнѣ около семидесяти лѣтъ: долго ли еще я проживу и что со мною будетъ далѣе,—не знаю. Съ желаніемъ честей, богатства, славы, счастія давно уже я не знакомъ, потому что не вѣрю прочности и постоянству ихъ; не вѣрю, что они могутъ доставлять истинное наслажденіе. Чести и богатство тоже, что вода, не утоляющая жажды; слава — дымъ, а счастіе — мечта. Одна только истинная вѣра, упованіе на Бога, благочестіе и добрыя дѣла составляютъ прочное и неотъемлемое сокровище настоящей нашей жизни, доставляющее покой и миръ душѣ нашей; все же прочее, по выраженію премудраго,—суета суетъ и всяческая суета. Спросите ихъ Превосходительствъ и Сіятельствъ, довольны ли они тѣми почестями и отличіями, которыя имѣютъ? Они предъ вами откровенно, по пріятельски сознаются, что все это хорошо, а лучше было бы имѣть Владиміра 1-й степени или Андрея первозваннаго. Спросите знаменитыхъ ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, радуетъ ли, веселитъ ли ихъ пріобрѣтенная ими слава? Они прямо скажутъ, что не столько ею восхищаются, сколько безпокоятся о будущей

судьбѣ умственныхъ своихъ произведеній; тревожатся тою мыслію, что въ послѣдствіи времени возстанетъ какой либо новый даровитый состязатель по ихъ части и затмитъ и помрачитъ сіяніе ихъ славы. Спросите богачей, да что и спрашивать: они безъ всякой околичности откроются предъ вами: милліона по два у насъ есть, а не мѣшало бы имѣть побольше. Кого ни возьми, кого ни спроси, всѣ чего-то желаютъ и ищутъ большаго; а это неоспоримо доказываетъ, что никто изъ обитателей земли, доколѣ на ней движется, ни чѣмъ не можетъ быть доволенъ.

Убѣждаясь въ этой истинѣ, я равнодушно и спокойно провождаю жизнь, и ничего въ ней не ищу. Что мнѣ въ почестяхъ, когда не доставляютъ онѣ счастія? что въ славѣ, когда не отъ ней зависитъ спокойствіе и миръ души моей? Что въ богатствѣ, когда нѣтъ въ немъ утѣшенія и наслажденія? У меня было много дѣтей, изъ которыхъ семерыхъ лишился я въ самомъ первомъ цвѣтѣ возраста ихъ; были у меня друзья, которыхъ смерть я разновременно оплакивалъ; были и враги, которыхъ я сопровождалъ въ общій для всѣхъ путь желаніемъ вѣчнаго покоя. Какую помощь въ горестныхъ сихъ случаяхъ могли бы оказать мнѣ помянутыя выгоды жизни? По природѣ робкій и застѣнчивый, притомъ и беззаботный, не хотѣлъ и не старался я ни въ комъ искать особеннаго благорасположенія къ себѣ, а потому и не имѣлъ ни благодѣтелей, ни покровителей. Разъ какъ-то, вскорѣ послѣ перехода моего изъ училищной въ гражданскую службу, мой пріятель и товарищъ по Академіи И. Я. Вѣт.. скій познакомилъ меня съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ, Графомъ Дмитріемъ Ивановичемъ Хвостовымъ. Съ первыхъ дней свиданія нашего мы другъ съ другомъ свыклись такъ, что во все продолженіе шестнадцатилѣтняго знакомства нашего, съ 1819 по 1835 годъ, ни одного не проходило вечера безъ того, чтобъ я съ нимъ не увидѣлся. Онъ любилъ писать стихи, я тоже; онъ любилъ ихъ по пристрастію, а я по временному къ нимъ расположенію. Бывало, придешь къ нему на другой день въ собственный домъ его, находившійся въ Сергіевской улицѣ по близости къ церкви, и готово уже новое пера его произведеніе, которое не медля начинаетъ или самъ читать или даетъ мнѣ для прочтенія; спрашиваетъ, не нужно ли въ немъ что нибудь поправить. Разумѣется, по началу я былъ скупъ на замѣчанія, хотя и видѣлъ въ сочиненіяхъ его многія мѣста требовавшія перемѣны; послѣ же я сдѣлался смѣлѣе и свободнѣе. Многія слова и выраженія совѣтовалъ его сіятельству замѣнять другими лучшими; случалось, и не рѣдко, цѣлыя піесы приходилось

ему, вслѣдствіе моихъ замѣтокъ, передѣлывать. Въ этихъ случаяхъ происходилъ неоднократно между нами споръ, который, благодаря нераздражительному характеру Графа, всегда оканчивался согласіемъ на передѣлку.

Графъ былъ добрый человѣкъ, всегда готовый на дѣла благотворенія; многимъ онъ оказывалъ неукоснительную помощь и пособіе, въ томъ числѣ и мнѣ. Но, при весьма значительномъ состояніи своемъ, при всемъ расположеніи ко мнѣ, онъ и не думалъ или не хотѣлъ обезпечить недостаточнаге моего состоянія. Я, по скромности, не осмѣливался вызваться на сіе благотвореніе, а онъ, со стороны своей, никогда не заговаривалъ со мною объ этомъ предметѣ, между тѣмъ какъ двумъ дочерямъ моимъ былъ отцемъ крестнымъ. Смерть его послѣдовала 22 Октября 1835 года, въ день Казанской Божіей Матери: онъ скончался тихо и спокойно, какъ будто заснулъ, и я пролилъ слезы искренняго сожалѣнія, лишась лучшаго моего пріятеля и друга. Въ томъ же году, къ усугубленію моей печали, умеръ послѣдній однолѣтній сынъ мой.

Послѣ этихъ двухъ потерь я сдѣлался скученъ и задумчивъ, ни за что не принимался и какъ будто бы осиротѣлъ, покуда время не уменшило и не облегчило моей скорби. Жена и дочери хотя и ослабили ее въ послѣдствіи и привязываютъ меня къ настоящей, преисполненной горестями, жизни; но я уже охолодѣлъ къ удовольствіямъ, равно какъ и къ огорченіямъ житейскимъ; ни что меня не веселитъ, ни что особенно не огорчаетъ и на все смотрю я равнодушно, въ ожиданіи предѣла пребыванія моего на земли, положеннаго праведнымъ и вмѣстѣ милосердымъ Богомъ.

(Окончаніе).

Редакторъ Свящ. *А. Яновскій.*

Дозволено цензурою. Ярославль. 12-го Сентября 1866 года.

Въ Типографіи Г. Фалькъ.

А. М. Мартыновъ

(скончавшійся въ 1858 г.)

(автобіографія).

(Окончаніе)

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ прошедшаго (1856) года постигли меня въ одно и тоже время двѣ тяжкія болѣзни: холера и тифусъ, такъ что двое пользовавшихъ меня врачей не подавали ни ма-

лѣйшей надежды на выздоровленіе. Въ теченіе двухъ сутокъ не смыкалъ я глазъ ни на одну минуту: жаръ, одышка, судороги, рвота и поносъ не прекращались и не оставляли меня во все это время. На третій день жена и дочери, видя приближеніе кончины моей, проливали слезы, и съ согласія моего часу въ девятомъ вечера позвали священника, который исповѣдовавъ и причастивъ меня, сказалъ имъ въ утѣшеніе: „не плачьте, онъ живъ будетъ!“ Не успѣлъ еще священникъ дойти обратно до дверей, какъ начало клонить меня ко сну, и я всю ночь спалъ крѣпко, чего врачи мои только и желали. Проснувшись по утру я почувствовалъ большое облегченіе и милость Божію ко мнѣ; но силы мои такъ были еще слабы, что я безъ помощи другихъ не могъ перейти отъ одного стула до другаго, не могъ подняться самъ собою съ кровати. Цѣлый мѣсяцъ поправлялся я въ здоровьѣ, и, по возобновленіи его, въ благодареніе врачамъ моимъ, особенно же общему врачу душъ и тѣлесъ нашихъ—Господу Богу, написалъ слѣдующіе стихи:

Какъ мертвый, я лежалъ три дня;
Болѣзни: тифусъ и холера
Терзали, мучили мена
Страшнѣй и злѣе, чѣмъ Мегера.
Я даже говорить не могъ,
Ни приподняться на постелѣ;
Отъ головы до самыхъ ногъ
Во всемъ гнѣздилась слабость тѣлѣ.
При мнѣ сидѣли день и ночь
Жена и дочери, рыдая,
На часъ не отходили прочь;
Врачи, плечами пожимая
И не надѣясь, мнѣ помочь,
Между собою говорили:
„Ахъ, еслибъ сонъ и потъ ему!“
Но сонъ и потъ не приходили
Тогда не знаю почему.

Принявъ совѣтъ родныхъ, рѣшился
Къ себѣ священника позвать:
По исповѣди, пріобщился
Христовыхъ Тайнъ,—и благодать
И милость Божія елеемъ
Своимъ смягчила злой недугъ;
Съ грудной травой или съ шалфеемъ
Микстуру принялъ я и вдругъ,
(Ужъ было поздно) въ то же время
Заснулъ я самымъ крѣпкимъ сномъ,
Вспотѣлъ, и послѣ будто бремя
Съ меня свалило; чтожъ потомъ?
Не стало силъ, вдругъ такъ упали,
Что я не могъ одинъ пройти
По комнатѣ; меня держали
Подъ обѣ руки, какъ вести

Хотѣли съ мѣста на другое,
Изъ душной спальни на диванъ,
Всегда мнѣ помогали двое;
Меня тащили какъ чурбанъ

Моихъ врачей благодарю я,
Хоть оба думали изъ нихъ,
Что я не житель; но воюя
Противу двухъ болѣзней злыхъ
Микстурой, также мхомъ Эстляндскимъ,
Горчицею, грудной травой,
Считали долгомъ Христіанскимъ
Мнѣ пособить въ бѣдѣ лихой.

Но все мое благоговѣнье
И честь и слава Богу силъ;
Онъ даровалъ мнѣ исцѣленье,
Меня изъ мертвыхъ воскресилъ.
Лишъ Онъ, надежда ненадежнымъ
И погибающимъ покровъ,
Родныхъ молитвамъ внявъ прилежнымъ
Возжегъ во мнѣ свѣтъ жизни вновь.
Врачь дать не могъ мнѣ сна и пота,
Не ясно ли, что здѣсь одна
Господня милость и щедрота
Выздоровленія вина.

Редакторъ Свящ. А. *Яковскій*.

Дозволено цензурою. Ярославль. 17-го Сентября 1866 года.

Въ Типографіи Г. Фалькъ.